

Гёте и Фаустъ.

I.

Молодость *Гёте*. — Пессимизмъ его юности. — Вертеръ. — Наклонность къ самоубійству. — Работа и любовь. — Мировоззрѣніе *Гёте* въ зрѣломъ возрастѣ.

Знакомство съ біографіями великихъ людей очень поучительно для изученія человѣческой природы. Мой выборъ остановился на *Гёте* по слѣдующимъ причинамъ.

Его геній отличался большой многосторонностью. Онъ былъ не только первостепеннымъ поэтомъ и драматургомъ, но и вообще обладалъ разнообразнѣйшими знаніями и способствовалъ успѣхамъ естественныхъ наукъ. Въ качествѣ министра и директора театра онъ принималъ участіе въ практической жизни. Доживъ до 83 лѣтъ при сравнительно нормальныхъ условіяхъ, онъ пережилъ нѣсколько стадій жизни. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ оставилъ множество цѣнныхъ данныхъ, бросающихъ яркій свѣтъ на его характеръ и образъ жизни.

Сверхъ того, благодаря почитанію, возбужденному имъ въ своихъ соотечественникахъ, о немъ накопилось больше біографическихъ данныхъ, чѣмъ о комъ-либо другомъ.

Стремясь къ «наивысшему существованію», онъ интересовался самыми возвышенными задачами человѣческой жизни и непрерывно старался рѣшить ихъ.

Поэтому весьма естественно, что, въ виду своихъ изслѣдованій, я неизбѣжно долженъ былъ остановить выборъ свой на *Гёте*.

Не стану излагать его біографіи, такъ какъ въ общихъ чертахъ она всѣмъ извѣстна.

Онъ былъ воспитанъ при условіяхъ во всѣхъ отношеніяхъ очень благопріятныхъ и съ дѣтства обнаружилъ замѣчательныя способности. Онъ былъ одаренъ отличной памятью и необыкновеннымъ воображеніемъ; поэтому онъ почти шутя выучился древнимъ и новымъ языкамъ, такъ же какъ и другимъ классическимъ метамъ.

Благодаря отличной отцовской библиотекѣ, онъ пользовался всевозможными книгами, почему очень рано и предался литературѣ съ тѣмъ энтузіазмомъ и страстью, которые были преобладающими чертами его характера. Еще не имѣя 15 лѣтъ отъ роду, онъ началъ писать стихи, хотя еще и не чувствовалъ въ себѣ призванія быть поэтомъ. Онъ скорѣе намѣревался быть ученымъ и хотѣлъ избрать профессорскую карьеру.

Имѣя въ виду серьезныя научныя занятія, онъ уже въ 16 лѣтъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ.

Юридическія и философскія науки недостаточно удовлетворяли его; онъ интересовался медициной и естествовѣдѣніемъ, хотя въ то время занимался ими поверхностно. Будучи очень живымъ и подвижнымъ, онъ завязывалъ многочисленныя знакомства, часто посѣщалъ театры и вообще страстно предавался разнаго рода развлеченіямъ. Слѣдующія выписки изъ его писемъ того времени даютъ яркое представленіе о его образѣ жизни. 18-лѣтнимъ студентомъ онъ пишетъ одному пріятелю: «Покойной ночи; я пьянъ, какъ скотина». Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ тому же другу: «Наслаждаюсь въ объятіяхъ Жетти».

Получивъ кандидатскую степень на юридическомъ факультетѣ въ Страсбургѣ, онъ становится адвокатомъ; эта карьера не нравится ему; поощренный крупнымъ успѣхомъ своихъ первыхъ литературныхъ произведеній, онъ дѣлается писателемъ.

Въ качествѣ литератора юноша ищетъ разнообразныхъ впечатлѣній. Онъ занимается литературой и наукой, даже чернокнижіемъ, посѣщаетъ театры и общество.

Особое удовольствіе доставляла ему область воображенія, и онъ въ этотъ періодъ мало останавливался на научныхъ задачахъ, къ которымъ относился поверхностно. «Мнѣ всегда необходимо движеніе», пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ.

Вслѣдствіе своего страстного характера молодой *Гете* былъ очень вспыльчивъ и часто выходилъ изъ себя. Современники рассказываютъ, что, разсердившись, онъ уничтожалъ картины и рвалъ книги на своемъ письменномъ столѣ.

Онъ рано сталъ пессимистомъ. Это душевное состояніе всего лучше отразилось въ «Страданіяхъ молодого Вертера», — романѣ, прославившемъ *Гете*. Въ немъ высказываетъ онъ свое міросозерцаніе.

Слѣдующія цитаты даютъ понятіе о внутреннемъ душевномъ состояніи молодого пессимиста ¹⁾.

1) Сочиненія *Гете*. „Страданія молодого Вертера“.

«Судьба некоторых людей — остаться непонятыми». «Жизнь — лишь сонъ. Это было высказано и раньше; но мысль эта вѣчно преслѣдуетъ меня. Наблюдая узкіе предѣлы человѣческихъ способностей, его дѣятельности и разсудка; видя, что мы тратимъ всѣ свои силы на удовлетвореніе нуждъ, единственная цѣль которыхъ — продлить наше жалкое существованіе; что успокоеніе наше относительно многихъ вопросовъ не что иное, какъ смиреніе, основанное на неудачахъ, подобно смиренію узниковъ, которые покрываютъ стѣны своей темницы разнообразными рисунками и надписями, — все это, другъ мой, лишаетъ меня словъ». «Пусть дѣти не отдають себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ; на этомъ сходятся всѣ ученые педагоги. Но никто не повѣритъ тому, что и взрослые волнуются въ этомъ мірѣ, какъ дѣти; какъ они, взрослые не знаютъ, откуда пришли и куда идутъ; такъ же мало, какъ дѣти, взрослые направляются къ определенной цѣли и такъ же легко могутъ быть управляемы помощью бисквитовъ, пирожныхъ и розогъ, — никто этому не повѣритъ, а между тѣмъ истина эта, по-моему, такъ легко понятна! Знаю, ты отвѣтишь мнѣ на это, что самые счастливые люди — тѣ, которые живутъ изо дня въ день какъ дѣти, которыя прогуливаютъ, одѣваютъ и раздѣваютъ своихъ куколъ, почтительно бродятъ вокругъ ящика, гдѣ мать спрятала пряникъ, и когда добились, чего желали, и набили себѣ ротъ, просятъ еще! Счастливыя существа!»

Вертеръ высказывалъ эти пессимистическія мысли задолго до своего романа съ Шарлоттою, и послѣдній принялъ столь грустный оборотъ именно вслѣдствіе такого міровоззрѣнія.

Это сочиненіе *Гёте* обязано своимъ успѣхомъ не трагической смерти молодого влюбленнаго, а именно общимъ идеямъ, вполне соответствовавшимъ взглядамъ на жизнь выдающихся людей того времени. Какъ извѣстно, байронизмъ возникъ раньше *Байрона*.

Вертеръ служитъ хорошей иллюстраціей дисгармоніи въ развитіи психическихъ свойствъ челоуѣка. Желанія и стремленія очень сильно развиваются гораздо ранѣ воли.

Подобно тому, какъ въ половой дѣятельности различныя отправления развиваются одновременно и дисгармонично (какъ было показано въ «Этюдахъ о природѣ челоуѣка»), точно такъ же замѣчается неравномѣрность и дисгармонія и въ развитіи высшихъ психическихъ функцій.

Половая чувствительность и неясное влеченіе къ противоположному полу обнаруживаются такъ рано, когда еще не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь нормальной половой дѣятельности. Отсюда рядъ бѣдъ, ощутимыхъ въ продолженіе долгаго періода

молодости. Раннее развитіе чувствительности вызываетъ родъ общей гиперестезіи, которая въ свою очередь служитъ источникомъ страданій.

Ребенокъ стремится взять все, что видитъ передъ собою; онъ тянется къ лунѣ и чувствуетъ себя несчастнымъ отъ безсилія удовлетворить свое желаніе. Не менѣе сильна эта дисгармонія у молодыхъ людей. Они формулируютъ свои требованія отъ жизни рано, когда еще неспособны судить о реальномъ соотношеніи явленій; они не понимаютъ, что силы ихъ далеко не достаточны для осуществленія ихъ стремленій, такъ какъ воля есть одна изъ наиболѣе поздно развивающихся способностей человѣка.

Вертеръ влюбляется въ симпатичную дѣвушку и отдается своей страсти, не соображаясь съ тѣмъ, что Шарлотта уже помолвлена съ другимъ. Отсюда вытекаетъ весь его трагическій романъ, кончающійся самоубійствомъ молодого героя, подточеннаго пессимизмомъ. Не имѣя силы воли побороть свои чувства, онъ впадаетъ въ апатію, ощущаетъ утомленіе отъ жизни и не находитъ ничего лучшаго, какъ застрѣлиться.

Не стану дольше останавливаться на этой послѣдней фазѣ исторіи Вертера: насъ прежде всего интересуетъ личность самого *Гёте*. Онъ же побѣдилъ свою страсть къ Лоттѣ и послѣ многихъ любовныхъ огорченій утѣшился, влюбившись въ другую женщину. Несомнѣнно, однако, что, несмотря на эту разницу, *Гёте* въ «Вертерѣ» описываетъ часть своей собственной молодости.

Это подтверждается самимъ *Гёте*. Въ письмѣ къ *Кестнеру* онъ говоритъ, что работаетъ «надъ художественнымъ воспроизведеніемъ своего собственнаго положенія». Письмо это было написано въ іюль 1773 года, когда двадцатичетырехлѣтній *Гёте* описывалъ страданія молодого Вертера.

Карлейль ¹⁾ очень хорошо охарактеризовалъ общее значеніе этого произведенія. «Вертеръ, — говоритъ онъ, — не что иное, какъ выраженіе глубокаго глухого страданія, которое ощущали всѣ мыслящіе люди поколѣнія *Гёте*. Вертеръ — общее страданіе, выраженіе общей душевной болѣзни. Вотъ почему такъ единодушно отзывались на него всѣ голоса и сердца Европы». Вертеръ «былъ первымъ звукомъ той ужасной жалобы, которая съ тѣхъ поръ пронеслась по всѣмъ странамъ и такъ наполнила слухъ людей, что они стали глухи ко всему остальному».

Въ пессимистическій періодъ своей жизни *Гёте* часто думалъ о самоубійствѣ. Онъ рассказываетъ въ своей автобіографіи, что въ тѣ времена онъ клалъ на ночной столикъ отточенный кинжалъ и

¹⁾ *Miscellanées*, vol. I, p. 272.

нѣсколько разъ пытался вонзить его себѣ въ грудь. Вспоминая это, онъ писалъ своему другу *Целтеру*: «Я знаю, какой рѣшительности и усилія мнѣ стоило тогда избѣгнуть натиска смерти!» ¹⁾. Самоубійство молодого знакомаго *Гёте*, *Иерусалема*, глубоко поразило его и послужило ему матеріаломъ для развязки «Вертера».

Несмотря на то, что *Гёте* удалось побѣдить свою страсть къ Шарлоттѣ, тѣмъ не менѣе еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сохранялъ онъ оттънокъ пессимизма. Такъ, въ 1778 году онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «я не созданъ для этого міра» ²⁾. Эти слова очень многозначительны для эпохи, когда еще не имѣли точнаго понятія о приспособленіи организмовъ и характера къ внѣшнимъ условіямъ. Вслѣдствіе своей усиленной чувствительности *Гёте* не чувствовалъ себя достаточно приспособленнымъ къ окружающему міру.

Въ высшей степени интересно прослѣдить дальнѣйшее развитіе *Гёте* и превращеніе его изъ юнаго пессимиста въ рѣзко выраженаго оптимиста.

Поэтическое творчество, трудъ и любовь служили ему лѣкарствомъ противъ приступовъ мрачнаго настроенія.

Онъ признается, что одно изложеніе своихъ страданій на бумагѣ уже облегчало ихъ.

Слезы облегчаютъ горести женщинъ и дѣтей; поэзія, описывающая страданіе, утѣшаетъ поэта.

Еще до окончанія своего романа съ Шарлоттой *Гёте* уже готовъ былъ полюбить сестру ея Елену. Въ декабрѣ 1772 года онъ пишетъ *Кестнеру*: «Я готовился спросить васъ, пріѣхала ли Елена, когда получилъ письмо, извѣщающее меня о ея возвращеніи». «Судя по ея портрету, она очень мила, даже лучше Шарлотты... А я свободенъ и жажду любви». «Я вновь во Франкфуртѣ съ новыми планами и новыми мечтами; ничего бы этого не было, если бы у меня былъ предметъ любви».

Вскорѣ послѣ этого онъ вновь пишетъ *Кестнеру*: «Скажите Шарлоттѣ, что я встрѣтилъ здѣсь дѣвушку, которую любилъ отъ всего сердца; если бы мнѣ хотѣлось жениться, то я предпочелъ бы ее всѣмъ остальнымъ».

Не отдавая себѣ еще полнаго отчета въ своемъ призваніи, *Гёте* становится министромъ при Веймарскомъ дворѣ. Съ рвеніемъ предается онъ своей новой дѣятельности и работаетъ далеко болѣе обыкновеннаго государственнаго человѣка. Стремленіе глубже постигнуть задачи своего вѣдомства — устройство путей сообщенія и эксплоа-

¹⁾ Briefwechsels zwischen Goethe u. Zelter. Письмо отъ 3 декабря 1812 г.

²⁾ Цитата *Мёбуса*, Goethe, т. II, стр. 80.

таких копеек—приводить его к изучению минералогии и геологии, и он отлично их усваивает. Управление лесоводством и земледелием приводит его к серьезному изучению ботаники, а завѣдывание рисовальной школой вызывает в нем желание познакомиться с анатомией.

Эти разнообразные занятия развивают в нем настоящий вкус к науке. Он предается ей уже не поверхностно, как в лейпцигском и страсбургском университетах, а так серьезно, что дѣлает важные открытія, ставшія классическими.

Но все эти занятия не поглощают его громаднаго гения. В свободныя минуты он пишет стихи и прозу. Погруженный во все эти занятия, он чувствует себя счастливым.

Открытие межчелюстной кости у человека «доставляет ему радость, вызывающую внутреннюю дрожь». Эта лихорадочная деятельность поддерживается любовью к г-жѣ фонз-Штейнз. Он называет ее «пробковым поясомъ, удерживающим его на поверхности воды». Душа его расцвѣтает отъ нѣсколькихъ часовъ вечерней бесѣды с нею.

Великая роль любви в жизни Гёте особенно чувствительна в этот период его жизни, период перехода отъ пессимистической молодости к оптимистическому зрѣлому возрасту.

Необходимость разстаться с фонз-Штейнз вызывает в нем горе худшихъ дней его жизни. Тридцати семи лѣтъ он вторично впадает в состояніе, подобное тому, в какомъ находился во времена «Вертера». «Я нахожу,—говорит онъ в 1786 г.,—что авторъ (Вертера) напрасно не застрѣлился, окончивъ свое произведение». Через нѣкоторое время онъ утверждаетъ, что «предпочитаетъ смерть своей настоящей жизни» ¹⁾.

Эти возвраты пессимизма были, однако, непродолжительны и гораздо слабѣе прежнихъ.

Большую часть онъ ощущалъ радость жизни, и «чувство жизни» проявлялось у него между прочимъ в страхѣ смерти.

Едва перейдя за тридцать лѣтъ, онъ уже принимает мѣры на случай смерти. Онъ пишет Лафатеру: «Мнѣ некогда терять времени; я уже не молодъ, и судьба, быть можетъ, скоро пресѣчетъ мою жизнь». Всюду сквозитъ его желаніе жить и печаль отъ приближенія смерти.

Въ этотъ периодъ, нѣсколько дней послѣ наступленія своей тридцати первой годовщины, будучи на вершинѣ Гикельчана, написал онъ на стѣнѣ охотничьяго домика знаменитое—одно изъ

¹⁾ Бельшовскій. Goethe. 4 изд. 1904 г., стр. 368.

лучших—свое стихотвореніе, заканчивающееся словами: «подожди немного—отдохнешь и ты».

Наступившій у него въ тридцать семь лѣтъ кризисъ подъ вліяніемъ разрыва съ г-жой *фонз-Штейнз*, а можетъ быть и въ связи съ мозговымъ переутомленіемъ, разрѣшается внезапнымъ отъѣздомъ изъ Веймара и долгимъ путешествіемъ по Италіи. Здѣсь онъ вновь оживаетъ; все его интересуеъ: археологія, искусство, природа. Онъ вновь становится жизнерадостнымъ и въ объятіяхъ хорошенькой голубоглазой миланской дѣвушки *Мадалины Риджи* утѣшается въ потерянной любви ученой дамы.

Эта дѣвушка, какъ и Шарлотта, была помолвлена съ другимъ. Но это не вызывало болѣе прежнихъ страданій. Даже послѣ разрыва дѣвушки съ женихомъ *Гёте* не рѣшается жениться на ней и окончательно покидаетъ ее. Онъ вступаетъ въ связь съ другой итальянкой, Фаустиной, съ которой сошелся во время послѣдняго пребыванія въ Римѣ. Любовь эта—гораздо менѣе идеальная и сложная, чѣмъ та, которую онъ питалъ къ госпожѣ *фонз-Штейнз*. Онъ описалъ ее въ «Римскихъ элегіяхъ», ярко освѣщающихъ темпераментъ великаго поэта.

Всего характернѣ слѣдующіе отрывки:

Радостно здѣсь вдохновленъ я; на этой классической почвѣ
Нынѣшній вѣкъ и минувшій понятіе мнѣ говорятъ.
Здѣсь я у древнихъ учусь и, что день, съ наслажденіемъ новымъ
Тщательно, листъ за листомъ, разбираю творенія ихъ.
Но по ночамъ богъ любви занимаетъ пришельца иначе:
Пусть вполонину я буду ученъ, зато счастливъ вдвойнѣ!
И не учусь ли я также, когда, по изящному стану
Тихо спускаясь рукою, изслѣдую чудныя формы
Груды возлюбленной? Только тогда постигаю какъ должно
Мраморъ, сличаю и мыслю, гляжу осязающимъ глазомъ,
Зрящей рукою осязаю...

Часто стихи я слагаю, оставаясь въ объятіяхъ ея,
Звучныя мѣры гекзаметра пальцами тихо считая
На обнаженномъ плечѣ. Горячо она дышитъ въ дремоть,
И глубоко проникаетъ мнѣ сладость дыханія въ грудь.

Во время своего пребыванія въ Италіи *Гёте* достигаетъ окончательной зрѣлости. Вотъ что говорить объ этомъ столь важномъ періодѣ его жизни его біографъ *Бельшовскій*: «Путешествіе въ Италію сдѣлало его новымъ человѣкомъ. Болѣзненные черты и нервность исчезли. Меланхолія, подъ вліяніемъ которой онъ часто думалъ о преждевременной смерти и предпочиталъ ее своей предшествовавшей жизни, уступила мѣсто ненарушимому спокойствію и жизнерадостности. Прежняя сосредоточенность и мрачность, наводив-

шія его на серьезныя размышленія, даже среди шумнаго свѣта, уступили мѣсто дѣтской веселости» (т. I, стр. 42). «Съ этого времени онъ совершаетъ полный таинственности для большинства людей жизненный путь съ завиднымъ спокойствіемъ».

Гёте становится тѣмъ «невозмутимымъ олимпійцемъ, который внушилъ такое почитаніе потомству, въ то время какъ многіе современники не узнавали въ немъ прежняго преданнаго и отзывчиваго человѣка» (id., стр. 417).

Этотъ оптимистическій періодъ наступилъ у *Гёте*, когда ему было около сорока лѣтъ.

II.

Періодъ оптимизма у *Гёте*.—Образъ его жизни въ этомъ періодѣ. — Роль любви въ творествѣ.—Артистическія наклонности относятся къ категоріи вторичныхъ половыхъ признаковъ. — Старческая любовь *Гёте*.—Соотношеніе между гениемъ и половой дѣятельностью.

Не сразу установилось нравственное равновѣсіе великаго писателя. Онъ пережилъ еще нѣсколько кратковременныхъ возвратовъ пессимизма и только затѣмъ сталъ настолько цѣльнымъ и гармоничнымъ человѣкомъ, насколько это было возможно при условіяхъ его существованія. Онъ достигъ спокойно величавой старости и оставался неутомимо дѣятельнымъ до самой смерти, наступившей послѣ 80 лѣтъ.

Какъ было сказано, «чувство жизни» развилось у *Гёте* довольно рано. Ставши оптимистомъ, онъ ощущалъ радость жизни и желать, чтобы послѣдняя протекала такъ же хорошо какъ можно долѣе. Уже въ старости высказываетъ онъ мысль, что «жизнь напоминаетъ книги Сибиллы, и мы все болѣе и болѣе дорожимъ ею по мѣрѣ приближенія къ смерти»¹⁾. Въ немъ произошла перемѣна, составляющая правило при нормальномъ развитіи человѣческой природы. А между тѣмъ условія его существованія были далеко не совершенны. Здоровье его вовсе не было безукоризненно. Въ молодости у него было сильное кровохарканіе, по всей вѣроятности, туберкулезнаго происхожденія; въ теченіе всей жизни онъ часто хворалъ; у него была подагра, почечныя колики, кишечныя болѣзни и т. д.

Онъ не слѣдовалъ правиламъ строгой гігіены. Будучи родомъ изъ мѣстности, гдѣ производятъ много вина, онъ съ юности употреблялъ его въ количествѣ, несомнѣнно, вредномъ для здоровья.

¹⁾ Цитата изъ біографіи *Гёте* *Lewes*, стр. 339, т. II (русс. переводъ).

Онъ самъ обратилъ на это вниманіе, и послѣ 31 года, когда у него уже начало пробуждаться «чувство жизни», вопросъ этотъ сталъ серьезно занимать его. «Я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ воздержаться отъ вина», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ въ немъ же: «Я болѣе почти не пью вина». Но у него не хватаетъ силы воли для дальнѣйшаго воздержанія; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего рѣшенія у него дѣлается сильное кровотеченіе изъ носа, которое онъ приписываетъ между прочимъ «нѣсколькимъ стаканамъ вина» ¹⁾. Онъ не переставалъ пить вино до конца жизни и даже въ старости злоупотреблялъ имъ.

Волфъ, обѣдавшій съ нимъ въ Веймарѣ, когда *Гёте* было уже 79 лѣтъ, удивляется его аппетиту и количеству выпиваемаго имъ вина. «Онъ между прочимъ съѣлъ огромную порцію гуся и выпилъ при этомъ цѣлую бутылку краснаго вина» ²⁾.

Эккерманнъ тоже часто упоминалъ о винѣ въ своихъ интереснѣйшихъ разсказахъ о послѣднемъ десятилѣтіи великаго писателя.

Гёте пользовался всякимъ предлогомъ, чтобы выпить—то по поводу гостей, то по поводу присылки друзьями хорошаго вина и т. д.

Мёбиусъ утверждаетъ, что онъ выпивалъ отъ одной до двухъ бутылокъ вина въ день.

А между тѣмъ онъ всегда былъ убѣжденъ, что вино вредно для умственнаго труда. Онъ замѣчалъ, что другъ его *Шиллеръ* всегда достигалъ дурныхъ результатовъ, когда пилъ болѣе обыкновеннаго для подкрѣпленія силъ и возбужденія литературной производительности.

«Это разстраивало его здоровье,—говоритъ онъ *Эккерманну* (18 янв. 1827 г.),—и вредило его творчеству».

«Этому приписываю я тѣ недостатки, въ которыхъ укоряютъ его критики».

Въ другомъ разговорѣ (11 марта 1828 г.) *Гёте* утверждаетъ, что произведенія, написанныя подъ вліяніемъ вина, носятъ ненормальный, вымученный характеръ и что поэтому надо избѣгать его.

Главнымъ стимуломъ гениальности *Гёте* была любовь. Всѣмъ извѣстны любовныя исторіи, переполняющія его біографію. Многихъ онъ возмущали, другіе искали имъ оправданія. Указывали на потребность его дѣлиться своими чувствами и искать симпатіи другихъ; утверждали также, что его влеченіе къ женщинамъ было простымъ проявленіемъ чисто-художественнаго чувства, не имѣющаго ничего общаго съ настоящей любовью.

¹⁾ Эта и предыдущая цитаты взяты у *Мёбиуса*. *Goethe*, т. II, стр. 84, 87.

²⁾ *Bode*. *Goethes Lebenskunst*. Berlin, 1906 г., стр. 59.

Въ дѣйствительности художественный геній, да и геній вообще, очень тѣсно связанъ съ половымъ отпавленіемъ. Я считаю вполне справедливымъ высказанное *Мэбиусомъ* ¹⁾ мнѣніе, по которому «художественныя склонности, по всей вѣроятности, не что иное, какъ вторичные половые признаки».

Подобно тому, какъ борода и другія физическія особенности мужчины развились какъ средства прельщенія женскаго пола, такъ точно мускульная сила, звучный голосъ и многія другія способности объясняются требованіями любовныхъ сношеній.

Въ первобытныхъ условіяхъ нерѣдко женщина работаетъ больше мужчины; превосходство силъ послѣдняго служить ему, главнымъ образомъ, для борьбы съ другими мужчинами преимущественно изъ-за обладанія женщиной.

Бойцу пріятно, чтобы любимая женщина видѣла его побѣду; ораторъ краснорѣчивѣе въ присутствіи особенно симпатичной ему женщины; любовь возбуждаетъ пѣвца и поэта, и поэтический геній, несомнѣнно, тѣсно связанъ съ половымъ чувствомъ.

Оскопленіе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ: подвергнутыя ему животныя хотя и остаются работоспособными, но измѣняются въ характерѣ и теряютъ боевой темпераментъ.

Устраненіе половой функціи точно такъ же значительно умаляетъ геній челоуѣка. Изъ многочисленныхъ скопцовъ одинъ лишь *Абелардъ* былъ поэтомъ. Но онъ подвергся оскопленію только въ 40 лѣтъ, и послѣ этого несчастія онъ пересталъ сочинять стихи.

Среди скопцовъ часто встрѣчаются пѣвцы. Но они—простые исполнители, и искусство ихъ не имѣетъ ничего общаго съ творчествомъ. Приводятъ примѣры нѣсколькихъ музыкальных композиторовъ среди скопцовъ; однако талантъ ихъ былъ лишь второстепенный, и они давно забыты.

Раннее оскопленіе гораздо больше поздняго имѣетъ вліяніе на геній и вторичные половые признаки.

Становясь на естественно-историческую точку зрѣнія, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться ни съ моралистами, порицающими *Гёте* за то, что онъ часто влюблялся, ни съ его защитниками, то отрицающими факты, то объясняющими ихъ помимо половой любви.

Приведенныя выше выписки изъ «Римскихъ элегій» достаточно указываютъ на характеръ его любви. Часто въ примѣръ идеальной любви *Гёте* приводятъ чувства его къ г-жѣ *фонъ-Штейнъ*. Между тѣмъ нѣкоторыя письма къ ней, въ которыхъ *Гёте* гово-

1) Ueber die Wirkungen d. Castration. Halle, 1903 г., p. 82.

рить ей ты, «несомнѣнно, имѣють эротическій характеръ» (*Мёбиусъ*, т. II, стр. 89).

Гёте излилъ свою любовь къ *Миннъ Герцлибъ* (вдохновившей его на романъ «Сродство душъ») въ такой непристойной эротической поэмѣ, что она не могла даже быть напечатанной (*Люисъ*, т. II, стр. 314).

Я особенно настаиваю на томъ фактѣ, что *Гёте* до конца сохранилъ свой темпераментъ,—и всѣхъ поражаетъ мощь его поэтического генія, даже въ послѣдніе годы жизни.

Часто осмѣивали любовь *Гёте* къ молоденькой *Ульрихъ фонъ-Леветцовой*, въ которую онъ страстно влюбился въ 74 года. А между тѣмъ эта страница его біографіи заслуживаетъ особенно серьезнаго вниманія, какъ типичный примѣръ старческой любви гениальнаго человѣка.

Во время своего пребыванія въ Карлсбадѣ *Гёте* знакомится съ хорошенькой семнадцатилѣтней голубоглазой брюнеткой, пылкой, доброй и веселой. Первые два лѣтнихъ сезона проходятъ безъ всякихъ приключеній. Но на третье лѣто, въ Мариенбадѣ, *Гёте* страстно влюбляется въ девятнадцатилѣтнюю Ульрику, въ полномъ расцвѣтѣ ея женской красоты.

Любовь эта возвращаетъ ему молодость. Онъ проводитъ цѣлые часы съ дѣвушкой и принимается танцовать, какъ юноша. «Охотно признаюсь,—пишетъ онъ своему сыну,—что давно не наслаждался такимъ здоровьемъ души и тѣла» (30 августа 1823 г.). Страсть *Гёте* принимаетъ такой серьезный оборотъ, что другъ его, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, проситъ для него руки *Ульрики фонъ-Леветцовой*. Ея мать даетъ сначала уклончивый отвѣтъ, дѣло затягивается, и въ концѣ-концовъ *Гёте* получаетъ отказъ. Въ своей семьѣ онъ также встрѣчаетъ энергичный отпоръ своимъ брачнымъ проектамъ.

Всѣ эти неудачи такъ потрясаютъ стараго поэта, что онъ заболѣваетъ.

У него дѣлаются боли въ сердечной области, и онъ чувствуетъ сильную нравственную подавленность. Онъ жалуется *Эккерманну*, что «ни за что не можетъ взяться, не можетъ приступить ни къ какому дѣлу и что умъ его сталъ безсильнымъ».

«Я не могу болѣе работать,—говорилъ онъ,—не могу читать, и даже думать удастся мнѣ только въ счастливыя минуты облегченія» (*Эккерманнъ*, 16 ноября 1823 года). По поводу такого состоянія великаго старика *Эккерманнъ* добавляетъ слѣдующее: «его болѣзнь, повидимому, носить не одинъ физическій характеръ. Кажется, что главная причина его болѣзни заключается въ страстной

любви, охватившей его въ этомъ году въ Маріенбадѣ, къ молодой женщинѣ, — любви, съ которой онъ борется въ настоящее время» (17 ноября 1823 г.).

Какъ и въ прежнихъ кризисахъ, *Гёте* искалъ утѣшенія въ поэзіи и любви.

Уже въ экипажѣ, покидая Маріенбадъ, онъ приступаетъ къ сочиненію стиховъ, отличающихся необыкновенной для старика мощью и страстью.

И въ самомъ дѣлѣ, его «Маріенбадская элегія» должна быть признана однимъ изъ его лучшихъ поэтическихъ произведеній.

Слѣдующія выписки даютъ понятіе о его тогдашнемъ душевномъ состояніи:

Неудержимая страсть влечетъ меня;
Вѣчныя слезы—вотъ мой удѣлъ!
Теките же, лейтесь безъ конца!
Но не затопить вамъ жгучаго пламени!
Уже кипитъ, уже разбито то сердце,
Въ которомъ идетъ борьба на жизнь и смерть.
Міръ потерянь для меня и самъ потерянь тотъ,
Кто когда-то былъ боговъ любимцемъ.
Они дали мнѣ Пандору, богатую сокровищами,
Соблазнами опасными богату;
Они опьянили меня щедрыми поцѣлуями ея губъ;
Они вырываютъ меня изъ ея объятій и смертью поражаютъ!

Гёте нѣкоторое время скрывалъ эту элегію, какъ святыню, но въ послѣдствіи рѣшился передать ее *Эккерманну*.

Однако поэтическое творчество только временно успокоило его тяжелое горе. Природа его требовала другого, болѣе дѣйствительнаго утѣшенія.

Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ разрыва онъ горько жалуется на отсутствіе графини *Юлии фонъ-Элофштейнъ*, необходимой ему. «Она совершенно не понимаетъ, что беретъ у меня и чего лишаетъ меня, она не знаетъ, какъ я люблю ее и какъ занята ею душа моя». Нѣкоторое возмѣщеніе находитъ *Гёте* въ посѣщеніяхъ г-жи *Шмановской*, которой онъ восхищается «не только какъ большой артисткой, но и какъ красивой женщиной» (*Эккерманнъ*, 3 ноября 1823 г.). «Я глубоко благодаренъ этой прелестной женщинѣ,—говоритъ онъ,—потому что своей красотой, мягкостью и искусствомъ она успокоила мое ретивое сердце» (*Бодэ*, стр. 151).

Онъ возобновилъ также сношенія съ бывшей актрисой и танцовщицей *Маріанной Юнгъ*. «*Гёте* необходимо было отвлечь свои мысли отъ Ульрики, и вотъ образъ прекрасной обладательницы

Гербермюле вновь охватилъ его. Время, проведенное съ нею, и интимная переписка вернули спокойствіе жаждущему любви сердцу его» (*Бельшовскій*, т. II, 487 стр.).

Любовь къ *Ульрихъ* была его послѣдней острой страстью. Тѣмъ не менѣе до самой смерти *Гёте* чувствовалъ потребность быть окруженнымъ красивыми женщинами. Въ качествѣ директора театра ему приходилось входить въ сношенія со множествомъ молодыхъ женщинъ, стремившихся поступить на сцену. Онъ сознавался *Эккерманну*, что ему нужно было большое напряженіе воли для того, чтобы бороться съ женскою прелестью, которая склоняла его къ несправедливости въ пользу болѣе красивыхъ просительницъ. «Если бы я допустилъ себя до любовной интриги, то уподобился бы компасу, неспособному указывать сѣверъ, потому что находится возлѣ дѣятельнаго магнита» (*Эккерманнъ*, 22 марта 1825 г.).

Сестра невестки *Гёте* рассказываетъ, что онъ очень любилъ, чтобы молодыя дѣвушки присутствовали въ кабинетѣ во время его работы. При этомъ онъ не должны были заниматься ручной работой и должны были сидѣть молча, что часто давалось имъ не легко (*Бодэ*, стр. 155).

Даже въ день смерти *Гёте* воскликнулъ въ бреду: «Посмотрите, какая прелестная женская головка въ черныхъ локонахъ на черномъ фонѣ!» (*Люисъ*, т. II, стр. 372). Послѣ еще нѣсколькихъ болѣе или менѣе безсвязныхъ фразъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Продолжительность полового чувства у человѣка достаточно выяснена фактами, изложенными въ отдѣлѣ этой книги, трактующемъ о страсти.

Такъ какъ сѣменные железы лучше большинства другихъ органовъ противодействуютъ атрофіямъ и даже въ очень преклонномъ возрастѣ въ состояніи производить сѣменные тѣла, то вполне естественно, что дѣятельность ихъ отражается на общемъ состояніи организма и возбуждаетъ любовныя ощущенія. Если бы, вслѣдствіе какой-нибудь причины, *Гёте* рано потерялъ эти органы, то весьма вѣроятно, что онъ никогда не сталъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ.

Моралисты, возмущенные его любовными похождениями, были бы очень довольны; но міръ лишился бы одного изъ своихъ величайшихъ геніевъ.

Гёте, впрочемъ, не составляетъ исключенія среди писателей. Всѣмъ извѣстенъ темпераментъ *Виктора Гюго* и его влеченіе къ женщинамъ до самаго преклоннаго возраста.

Вскорѣ послѣ смерти *Ибсена* были сообщены произведшія большую сенсацию свѣдѣнія о его любви къ дѣвицѣ *Вардахъ*, вдохновлявшей его геній въ послѣднемъ періодѣ его жизни.

Не одно только поэтическое творчество, но и другія проявленія генія связаны съ половой дѣятельностью. Связь эта особенно замѣтна на музыкальномъ творествѣ, какъ объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ біографія *Рихарда Вагнера* съ рассказомъ о его любви къ мадамъ *Везендонкъ*. И ученые не составляютъ исключенія изъ этого правила: знаменитый математикъ *Вейерштрассъ* на старости лѣтъ влюбленъ въ свою ученицу *Софію Ковалевскую*. Переписка его съ нею ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Геніальный философъ *Шопенгауэръ* въ 25-лѣтнемъ возрастѣ и въ полномъ расцвѣтѣ творчества сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «въ дни и часы, когда всего сильнѣе проявляется сладострастіе... пламенное вожделѣніе... именно въ такое время готовы къ наиболѣе интенсивной дѣятельности величайшія силы мысли, а также и познанія...». «Въ эти мгновенія дѣйствительно обнаруживается самая сильная и дѣятельная жизненность, такъ какъ оба полюса дѣйствуютъ всего энергичнѣе: это видно на особенно выдающихся людяхъ. Въ теченіе этихъ часовъ живешь больше, чѣмъ за годы пассивнаго состоянія» (цитата *Мѣбиуса: Schopenhauer*, стр. 55). Изъ этого видно, что *Шопенгауэръ* «связывалъ умственное творчество съ эротическимъ возбужденіемъ» (id., стр. 57).

Такого рода факты внушили *Броунъ-Секару* мысль усиливать мозговую дѣятельность впрыскиваніемъ вещества, добытаго изъ сѣменныхъ тѣлъ. Съ той же цѣлью онъ совѣтовалъ и другое средство, дѣятельность котораго была подтверждена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на двухъ субъектахъ 45 и 50 лѣтъ.

«По моему совѣту,—говоритъ онъ ¹⁾,—они вызывали въ себѣ сильное половое возбужденіе всякій разъ, когда имъ предстояла усиленная физическая или умственная работа...». «Сѣменные железы при этомъ временно приобрѣтали большую функциональную силу, за которой вскорѣ слѣдовало желаемое возбужденіе силы нервныхъ центровъ».

Хотя я и настаиваю на несомнѣнной связи между умственной и половой дѣятельностью, но это вовсе не значитъ, чтобы данное правило было безъ исключеній.

Указавъ нѣкоторые факты, игравшіе важную роль въ проявленіяхъ генія *Гёте*, мы можемъ перейти къ изученію его душевнаго состоянія въ послѣднемъ періодѣ его жизни, величіемъ и гармоніей котораго такъ часто восхищаются.

¹⁾ Comptes rendus de la Soc. de Biologie, 1889 г., стр. 420.

III.

Старость Гёте.—Физическая сила и умственная бодрость старика.—Оптимистическое мировоззрѣніе его.—Жизнерадостность послѣдняго періода жизни.

Любители вина могут воспользоваться примѣромъ *Гёте*, возражая противъ людей, воздерживающихся отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Несмотря на его болѣзненность въ молодости, усиленное употребленіе вина не помѣшало ему достигъ старости, полной силы и поразительной умственной дѣятельности. *Эккерманнъ*, вѣрный и постоянный товарищ *Гёте* въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, не перестаетъ удивляться и восхищаться физической и нравственной бодростью знаменитаго старца. При возвращеніи въ Іену, въ 74 года, видъ его «возбуждалъ радость». «Онъ здоровъ и такъ крѣпокъ, что можетъ ходить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ рядъ» (15 сен. 1824 г.). Глаза его блестятъ, отражая свѣтъ, и «настроеніе его полно радости, силы и молодости» (29 октября). Гуляя съ *Эккерманномъ*, *Гёте* быстро обгонялъ его и обнаруживалъ бодрость, радовавшую его спутника (мартъ 1824 г.). «Голосъ его былъ полонъ выраженія и силы (30 марта 1824 г.), а рѣчь полна жизни» (9 іюля 1827 г.).

Во время одного разговора *Гёте* съ *Эккерманномъ*, когда первому было почти 79 лѣтъ, «звукъ его голоса и блескъ глазъ были такъ сильны, какъ въ лучшія времена молодости» (11 марта 1828 г.). Эти свойства сохранились до конца жизни великаго человѣка, и за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти *Эккерманнъ* отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что «каждый день онъ находитъ его полнымъ силы и свѣжести»; это заставляетъ его думать, что «такое состояніе можетъ продлиться безконечно долго» (21 декабря 1831 г.). Въ началѣ слѣдующей весны у *Гёте* сдѣлалась «катарральная лихорадка» — по всей вѣроятности, острая бронхопневмонія, — отъ чего онъ и умеръ, вѣроятно, вслѣдствіе слабости сердца. Болѣзнь длилась всего недѣлю. Если бы *Гёте* въ теченіе жизни не злоупотреблялъ виномъ, то, быть можетъ, выздоровѣлъ бы и прожилъ еще долго.

Духовная бодрость *Гёте* была еще болѣе замѣчательна и сохранилась еще лучше, чѣмъ его физическія силы. Онъ интересовался массою вещей, и его жажда знанія была неисчерпаема.

Видя, съ какимъ интересомъ онъ былъ погруженъ въ рассказъ *д'Альтона* о подробностяхъ скелета грызуновъ, *Эккерманнъ* удивляется, что человѣкъ, которому уже около 80 лѣтъ, «безустанно ищетъ случая увеличить свою опытность. Ни въ какомъ направленіи не останавливается онъ и не кончаетъ; онъ все хочетъ идти

дальше и дальше, всегда учиться, вѣчно учиться. Этимъ онъ остается вѣчно и неистощаемо юнымъ» (16 апрѣля 1825 г.).

Способность *Гёте* воспринимать, какъ и его память, были поразительны. На 81 году *Гёте* удивлялъ своихъ слушателей «безпрерывнымъ потокомъ мыслей и необыкновеннымъ богатствомъ изобрѣтательности» (7 окт. 1828 г.).

«Старость *Гёте* — лучшее доказательство необыкновенной крѣпости его организма», говоритъ *Мёбиусъ*, изучавшій біографію *Гёте* съ медицинской точки зрѣнія. «Произведенія его самаго преклоннаго возраста большей частью выше всякой похвалы какъ по законченности формы, такъ по своей глубинѣ и чувству. Кто написалъ что-нибудь подобное въ 80 лѣтъ?! Съ фیزیологической точки зрѣнія произведенія его старости вызываютъ почти большее удивленіе, чѣмъ его юношеская дѣятельность» (*Мёбиусъ*, *Goethe*, I, стр. 200, 201).

Хотя страстный и живой характеръ молодого *Гёте* сталъ впоследствии гораздо спокойнѣе, тѣмъ не менѣе онъ минутами бывалъ еще вспыльчивъ и рѣзокъ. У него были нѣкоторыя старческія слабости, и онъ часто обнаруживалъ деспотическія наклонности, по поводу которыхъ существуетъ множество анекдотовъ. Но настроеніе его стало гораздо болѣе ровнымъ въ старости, а міровоззрѣніе гораздо жизнерадостнѣе. Помимо нѣсколькихъ краткихъ періодовъ грусти, онъ ощущалъ радость жизни. Въ 1828 году онъ удаляется въ Дорнбургъ, гдѣ ведетъ спокойный образъ жизни. «Почти весь день провожу я на воздухѣ и веду разговоры съ гибкими вѣтвями виноградника, внушающими мнѣ хорошія мысли; по поводу которыхъ я могъ бы сообщить вамъ удивительныя вещи», говорилъ онъ *Эккерманну* (15 іюня 1828 г.). «Я сочиняю также недурные стихи и желалъ бы еще прожить въ такомъ состояніи». «Я доволенъ, — говоритъ онъ своему сотруднику, — когда теперь, въ началѣ весны, вижу первые зеленые листья; доволенъ, когда наблюдаю, какъ листъ за листомъ еженедѣльно удлинняетъ свой стебель; доволенъ, когда въ маѣ вижу цвѣточную почку; я счастливъ, наконецъ, когда въ іюнѣ во всей своей красѣ распускается душистая роза» (*Эккерманнъ*, 27 апр. 1825 г.).

Жизнерадостность этой эпохи жизни *Гёте* проявляется также въ его перепискѣ. Онъ пишетъ *Целтеру* (29 апр. 1830 г.): «Скажу тебѣ на ухо: я счастливъ, что въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ мнѣ приходятъ мысли, преслѣдованіе и выполненіе которыхъ стоило бы повторенія жизни».

Итакъ, міровоззрѣніе *Гёте* значительно измѣнилось съ эпохи Вертера. Самъ онъ говоритъ: «Въ старости смотреть на вещи со-всѣмъ иначе, чѣмъ въ молодости» (*Эккерманнъ*, 6 дек. 1829 г.).

Юношеская чувствительность, от которой онъ такъ страдалъ въ молодости, значительно притупилась. *Эккерманнъ* поражается его выносливостью къ уязвленіямъ самолюбія. Такъ, однажды его планъ постройки Веймарскаго театра былъ отвергнутъ среди работы и замѣненъ другимъ, сдѣланнымъ помимо *Гёте*. *Эккерманнъ* былъ этимъ очень взволнованъ и съ тревогою пошелъ къ нему. «Я боялся, — говоритъ онъ, — что эта неожиданная мѣра глубоко задѣнетъ *Гёте*. Вышло совсѣмъ не то. Я нашелъ его совершенно спокойнымъ и равнымъ, стоящимъ выше всякой личной щепетильности» (1 мая 1825 г.).

Достигнувъ 80 лѣтъ, *Гёте* не ощущалъ никакого пресыщенія жизнью. Во время своей послѣдней болѣзни онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія умереть, а, напротивъ, скорѣе рассчитывалъ на выздоровленіе и надѣялся, что приближеніе хорошей погоды вернуть ему силы. Слѣдовательно, онъ желалъ еще жить. Однако онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что циклъ его существованія законченъ, и если не ощущалъ пресыщенія жизнью, то чувствовалъ уже извѣстнаго рода удовлетвореніе отъ прожитой жизни. «Когда, какъ я, человѣкъ перешелъ за 80 лѣтъ, — говорилъ онъ, — то онъ почти не имѣетъ болѣе права жить; каждый день долженъ онъ быть готовымъ къ смерти и думать о приведеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ» (*Эккерманнъ*, 15 мая 1831 г.). Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать и редактировать двѣ послѣднія главы второй части *Фауста*. Окончивъ это, онъ почувствовалъ себя въ высшей степени счастливымъ. «Я смотрю на дни, которые предстоитъ еще мнѣ прожить, какъ на настоящій подарокъ, — говорилъ онъ, — и по существу совершенно безразлично, создамъ ли я еще что-нибудь и каковы будутъ эти произведенія» (*Эккерманнъ*, 6 июня 1831 г.).

Гёте заставляетъ своего *Фауста* прожить сто лѣтъ. Быть можетъ, онъ и для себя рассчитывалъ на такой же предѣлъ. Хотя онъ и не достигъ этого возраста, но очень приблизился къ нему послѣ крайне дѣятельной жизни, которая можетъ служить драгоцѣннымъ поученіемъ для потомства.

IV.

Фаустъ есть автобіографія *Гёте*. — Три монолога первой части. — Пессимизмъ *Фауста*. — Мозговое переутомленіе ищетъ лѣкарства въ любви. — Романъ съ *Маргаритой* и его несчастная развязка.

«*Гёте* былъ *Фаустъ* и *Фаустъ* былъ *Гёте*», говоритъ біографъ великаго поэта (*Бельшовскій*, II, 645). По общепринятому мнѣнію, въ *Фаустѣ Гёте* изобразилъ себя самого гораздо подробнѣе и полнѣе, чѣмъ въ *Вертерѣ*.

Если это такъ, то можно задать себѣ вопросъ: къ чему изучать Фауста послѣ основаннаго на точныхъ данныхъ изученія *Гёте*? Я дѣлаю это на томъ основаніи, что въ этомъ великомъ произведеніи рядомъ съ дѣйствіями, соотвѣтствующими жизни *Гёте*, мы находимъ много размышленій, способныхъ освѣтить его общее міровоззрѣніе. Жизнь *Гёте* объясняетъ Фауста точно такъ же, какъ *Фаустъ* помогаетъ понять душу его автора.

Какъ мы видѣли выше, такая выдающаяся личность представляетъ большой интересъ для изученія человѣческой природы.

Обѣ части Фауста соотвѣтствуютъ двумъ крупнымъ отдѣламъ жизни *Гёте*. Въ первой части Фаустъ — пессимистъ, во второй — онъ склоняется къ оптимизму. Хотя въ обѣихъ частяхъ затронуты и разобраны нѣкоторые возвышенные вопросы, занимающіе человечество, тѣмъ не менѣе центръ, вокругъ котораго вращается все остальное, есть любовь.

Первая часть была задумана и почти цѣликомъ выполнена въ молодости. Главная тема — любовь юноши и красивой, обворожительной дѣвушки, по отношенію къ которой поведеніе героя не соотвѣтствуетъ его нравственнымъ понятіямъ. Какъ и во всѣхъ произведеніяхъ *Гёте*, главная тема первой части *Фауста* заимствована изъ эпизода въ жизни самого *Гёте*, когда ему было 22 года. Это — извѣстная исторія дочери пастора, Фредерики, внушившей любовь блестящему юношѣ, которому она отвѣчала болѣе сильной и глубокой привязанностью. *Гёте* испугала мысль навсегда связать свою жизнь, и онъ покидаетъ бѣдную, любящую дѣвушку при крайне тяжелыхъ для нея обстоятельствахъ. Впослѣдствіи онъ сознался г-жѣ фонъ-Штейнъ, что покинулъ Фредерику въ такую минуту, когда разлука эта едва не стоила жизни бѣдной дѣвушкѣ. «Я глубоко оскорбилъ наилучшее сердце, — говоритъ онъ; — это вызвало во мнѣ періодъ тяжелаго, нестерпимаго раскаянія» (*Бельшовскій*, I, 135). Чтобы до нѣкоторой степени загладить свою вину, онъ сдѣлалъ изъ Фредерики героиню *Гётца* и *Клавига*; но, находя это недостаточно достойнымъ ея, онъ увѣковѣчилъ ее въ Маргаритѣ *Фауста*.

Ученый докторъ, изучивъ всѣ человѣческія знанія, не получаетъ никакого удовлетворенія отъ нихъ и находитъ утѣшеніе въ красотѣ и прелести молодой дѣвушки, въ которую страстно влюбляется.

Было бы крайне интересно опредѣлить внутренній психологическій механизмъ этого перехода отъ лабораторныхъ научныхъ занятій къ жизненной обстановкѣ, гдѣ находится Маргарита.

Хотя Фаустъ вначалѣ изображенъ въ видѣ стараго ученаго, успѣвшаго воспринять всѣ знанія своей эпохи, тѣмъ не менѣе онъ

носить явную печать крайней молодости. Онъ не удовлетворяется всей своей наукой и хотѣлъ бы,

Чтобы позналъ я, чѣмъ вполне
Миръ связанъ въ тайной глубинѣ,
Чтобы силы мнѣ предстали сами
И принципъ жизни я позналъ ¹⁾).

Въ этомъ проглядываетъ требовательность юноши, начинающего изучать науку и убѣжденнаго, что онъ сразу въ состояніи будетъ разрѣшить труднѣйшія задачи. И дѣйствительно, монологъ этотъ былъ созданъ въ періодъ Вертера, когда *Гёте* не было еще 25 лѣтъ ²⁾. Вотъ почему онъ и не производитъ глубокаго впечатлѣнія. Второй монологъ, заканчивающійся попыткой отравленія, — позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ отсутствуетъ въ изданіи 1790 года (Отрывки). Онъ относится ко времени, когда *Гёте* было уже за пятьдесятъ лѣтъ, и потому носитъ отпечатокъ гораздо большей зрѣлости. Несмотря на отсутствіе достаточной опредѣленности, онъ тѣмъ не менѣе интересенъ своими изображеніями жизненныхъ бѣдствій.

...Ахъ! наши дѣйствія, равно какъ и страданья,
Ходъ нашей жизни тормозятъ:
Къ высокому, что въ духѣ обрѣтаемъ,
Все чуждое по-малу пристаётъ.
Когда земного блага достигаемъ,
Все лучшее мечтой у насъ сливетъ;
Святыя чувства жизненныхъ стремленій
Коснутся средь житейскихъ тревоженій.
Хотя сперва, въ порывѣ молодомъ,
Мечта рвалась взлетѣть надъ сферой звѣздной,
Теперь ей кругъ очерченъ небольшой,
Когда за счастьемъ счастье взято бездной.
Забота тотчасъ въ сердце западаетъ,
Въ немъ тайныя страданья порождаетъ
И, разрушая радость и покой,
Все маской прикрывается другой:
Домъ, дворъ, жена и дѣти насъ дурачатъ,
Вода, огонь, кинжалъ и ядъ,
Что не грозитъ, — предъ тѣмъ дрожать
И то, чего не потерять, — оплачуть! ³⁾

Страхъ ожидающихъ насъ бѣдствій, которыхъ мы не можемъ избѣжать, дѣлаетъ жизнь невыносимой. Такое душевное состояніе

¹⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 36. Последняя строчка у *Фета* не передаетъ точнаго смысла и потому была видоизмѣнена согласно этому смыслу.

²⁾ *Erich Schmidt. Goethe's Faust in ursprünglicher Gestalt*, 6-ое изданіе. Weimar, 1905 г., стр. 1.

³⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 49—50.

Фауста очень напоминает вѣчный страхъ передъ чѣмъ-нибудь у *Шопенауэра*: то онъ боялся воровъ, то болѣзней. Онъ никогда не рѣшался бриться у цирюльника и всегда имѣлъ при себѣ кожаный складной стаканчикъ, чтобы пить изъ него.

«Не лучше ли покончить съ такимъ существованіемъ и лишитъ себя жизни, рискуя даже впасть въ небытіе?» спрашиваетъ себя Фаустъ. Онъ схватываетъ отравленный кубокъ и уже приближаетъ его къ губамъ, когда долетающее пѣніе и звукъ колоколовъ останавливаютъ его и удерживаютъ отъ самоубійства. Не религіозное чувство останавливаетъ Фауста, а дѣтскія воспоминанія:

Мірѣ дѣтскихъ игръ, не знающихъ искусства,
Пѣлъ въ этихъ звукахъ, вѣющихъ весной ¹⁾.

Онъ выходитъ на улицу, смѣшивается съ толпой, старается разсѣяться среди людей, любитъ возрожденіемъ весны, но все это не въ состояніи дать ему забвенія бѣдствій жизни. Онъ встрѣчаетъ ученика и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, въ которомъ вновь обнаруживается свой пессимизмъ.

О, счастливъ, кто еще въ надеждѣ самъ,
Что выплывемъ изъ моря лжи мы дружно!
Чего не знаемъ, — было бъ нужно намъ,
Того, что знаемъ, — намъ не нужно ²⁾.

Здѣсь Фаустъ произноситъ свой знаменитый монологъ, надъ которымъ ломали себѣ голову и потратили море чернилъ его комментаторы.

Ахъ! двѣ души вмѣщать мнѣ суждено,
И грудь ихъ разобщить готова.
Одной хвататься грубо суждено
За этотъ міръ, съ его любовнымъ тѣломъ;
Въ другой же все горѣ вознесено
Высокихъ праотцевъ къ предѣламъ ³⁾.

По этому поводу создана была цѣлая «теорія двойственности души», въ которую воплощался дуализмъ манихеевъ, — два естества Христа и Богъ знаетъ что еще ⁴⁾.

Во всемірной литературѣ нѣтъ лучшаго поэтическаго выраженія человѣческой дисгармоніи, чѣмъ въ этомъ монолѣ о душевной двойственности. Онъ изображаетъ столь часто встрѣчающуюся въ юности неуравновѣшенность и обнаруживаетъ молодость Фауста первой части.

¹⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 56.

²⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 73.

³⁾ *Id.*, стр. 75 и 76.

⁴⁾ Подробности можно найти у *Кюно Фишера*, *Goethe's Faust*, стр. 328 — 330.

Вернувшись въ свою рабочую комнату, Фаустъ вновь предаётся пессимистическимъ размышленіямъ:

Но, ахъ! я чувствую, въ противность доброй воли,
Довольства грудь моя не источаетъ боли.
Но отчего жъ потокъ подобный сякнетъ вдругъ
И жаждою опять томится грудь?
Я испыталъ всё эти превращенья!

(Id., стр. 81.)

Фаустъ доходитъ до такого состоянія, что обращается къ «духу стриганія», къ тому, котораго называютъ «грѣховнымъ» и «злымъ». Духъ этотъ вызываетъ въ глазахъ его «рядъ прелестнѣйшихъ видѣній» во образѣ красавицы. Фаустъ находитъ, что онъ

...Слишкомъ старъ игрушками прельщаться
И слишкомъ молодъ — не желать.

Преслѣдуемый желаніями, онъ говоритъ:

Я принужденъ и въ тишинѣ ночной,
Ложась на постель, бояться;
И тутъ мнѣ не сужденъ покой,
И сны ужасные толпятся.

Вслѣдствіе этого прибавляетъ онъ:

Мила мнѣ смерть, посылала жизнь моя.

(Стр. 101.)

О! счастливъ тотъ, кого она вѣнчаетъ
Кровавымъ лавромъ въ битвѣ съ вражьей силой,
Иль кто ее, окончивъ пиръ, встрѣчаетъ
Нежданную въ объятіяхъ дѣвы милой.

(Стр. 101.)

Фаустъ постепенно приходитъ въ любовный экстазъ. Вскорѣ послѣ этого онъ видитъ въ зеркалѣ «ликъ небесный» и восклицаетъ:

О! дай, любовь, мнѣ твой полетъ чудесный,
Чтобъ унести за ней, въ ея края!..
...Прелестной женщины видѣнье!
Какъ ей воздать достойную хвалу?
Не познаю ли всѣхъ небесъ я отраженье
По распростертому здѣсь тѣлу одному?
Возможно ль на землѣ ее сыскать?

(Стр. 160 и 161.)

Недовольство жизнью, неудовлетворенность знаніемъ, доступнымъ человѣчеству, и мрачнѣйшій пессимизмъ приводятъ Фауста къ страстной любви, которая, послѣ различныхъ приключеній, кидаетъ его въ объятія Маргариты.

Романъ этотъ всёмъ извѣстенъ, какъ одно изъ величайшихъ произведеній творчества. Фаустъ прибѣгаетъ къ одному изъ совѣтовъ *Броунъ-Секара*. Мозговое переутомленіе, вызванное усиленными занятіями, препятствуетъ продолженію ихъ. Состояніе это отлично выражено въ слѣдующихъ словахъ Фауста:

Нить мысли порвалась больно;
Отъ знанья тошно мнѣ невольно.
Упьемся чувственности дымомъ,
Страстей задушимъ въ немъ напоръ!

(Стр. 111.)

Мозгъ отказывается работать, а слѣпой инстинктъ, въ формѣ мечты, подсказываетъ, что организмъ обладаетъ чѣмъ-то, могущимъ усилить умственную дѣятельность. Только это «нѣчто» считается грѣховнымъ, и нужна большая отвага, чтобы отрѣшиться отъ всякихъ колебаній. Но жизнь не въ жизнь безъ этого грѣха; поэтому остается одинъ выборъ: смерть или любовь. И Фаустъ останавливается на послѣдней.

Точно такъ же, какъ романъ *Гёте* съ Фредерикой, такъ и романъ Фауста съ Маргаритой кончается печально, даже болѣе чѣмъ печально. Поэтъ выбралъ для послѣдняго самыя мрачныя краски. Маргарита убиваетъ своего ребенка, отравляетъ мать, ее осуждаютъ на казнь, она сходитъ съ ума.

Горе Фауста безгранично.

Онъ недоволенъ своимъ злымъ духомъ, старается спасти бѣдную женщину и въ отчаяніи восклицаетъ:

О! лучше бы я не родился!

Итакъ, въ первой части Фаустъ является молодымъ ученымъ, слишкомъ требовательнымъ къ наукѣ и къ жизни; для генія его необходима любовь; онъ неуравновѣшенъ и поэтому неизбежно становится пессимистомъ. При этихъ условіяхъ неудивительно, что жизнь его принимаетъ дурное теченіе и что поведеніе его внушаетъ ему тяжелое раскаяніе.

Но въ то время какъ прежде было достаточно общей неудовлетворенности, чтобы вызвать въ немъ желаніе самоубійства, позднѣе безконечное зло, сдѣланное имъ глубоко любимому несчастному существу, повергло его только въ большое, но не смертельное горе. Такимъ образомъ, Фаустъ въ своемъ душевномъ развитіи сдѣлалъ уже шагъ впередъ къ оптимизму. Кризисъ хотя и серьезенъ, но оканчивается возвратомъ къ жизни дѣятельной и очень широкой.

V.

Вторая часть Фауста посвящена, главнымъ образомъ, описанію старческой любви.—Любовная страсть старика.—Смирненіе стараго Фауста.—Платоническая любовь его къ Еленѣ.—Міровоззрѣніе стараго Фауста.—Его оптимизмъ.—Общая мысль всего произведенія.

Въ то время какъ первая часть Фауста тотчасъ послѣ своего появленія вызвала всеобщій восторгъ, вторая, наоборотъ, встрѣчена была крайне холодно.

Всѣ читали и знаютъ первую часть; вторую часть читали только немногіе и то, главнымъ образомъ, среди литераторовъ. На сценѣ часть эта производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ при чтеніи, благодаря разнымъ второстепеннымъ прикрасамъ, какъ въ красивыхъ балетахъ.

Что же касается ея внутренняго смысла, то онъ, по общему мнѣнію, неясенъ, сложенъ и неудобопонятенъ. Поэтому многіе литературные критики ломали себѣ голову, чтобы схватить руководящую мысль автора.

Когда *Эккерманнъ*, уговаривавшій *Гёте* закончить и напечатать вторую часть, просилъ его объяснить значеніе нѣкоторыхъ сценъ, то *Гёте* устранился отъ этого и прикрывался маской сфинкса. Такъ, напримѣръ, относительно знаменитыхъ «матерей» *Гёте* принялъ загадочный видъ и отвѣтилъ: «я даю вамъ рукопись; изучите ее у себя и посмотрите, что можете вывести изъ нея» (10 января 1813 г.).

Льюисъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ *Гёте*, несмотря на это, останавливается передъ невозможностью понять смыслъ второй части Фауста. «Годы странствій и вторая часть Фауста,—говоритъ онъ,—настоящій арсеналъ символовъ. Старому поэту пріятно было видѣть, какъ глубокомысленные критики наперерывъ старались выказать свое ясновидѣніе и проницательность въ разъясненіи второй части Фауста и Мейстера, между тѣмъ какъ самъ онъ хитро отмалчивался, не приходя имъ на помощь». «Онъ не только не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія разъяснять накопляющіяся недоразумѣнія, но, какъ кажется, ему доставляло удовольствіе ставить новыя задачи для проницательности своихъ критиковъ» (I. с., II, 382).

Льюисъ находитъ, что вторая часть совершенно неудачна ни по замыслу, ни по выполненію. «Я дѣлалъ всѣ усилія,—говоритъ онъ,—чтобы понять это произведеніе, чтобы стать на вѣрную точку зрѣнія, которая позволила бы мнѣ постигнуть его красоты, но всѣ мои попытки остались безплодными» (id., 351). Для ознакомленія читателей съ драмой ему пришлось сдѣлать простое изложеніе ея, не выдвигая ничего преимущественно передъ другимъ.

Вторая часть, давно задуманная въ общихъ чертахъ, была вы-

полнена въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ послѣдняго періода жизни поэта; цѣннымъ указаніемъ служить то, что текстъ былъ составленъ не послѣдовательно, въ порядкѣ дѣйствій и спелъ, а сначала былъ написанъ третій актъ, потомъ—вторая часть пятаго акта, затѣмъ—первый и часть второго акта; классическая Вальпургіева ночь была написана въ 1830 г., а четвертое дѣйствіе—въ 1831 г., и, наконецъ,—начало пятаго акта.

Такъ какъ во второй части мѣстами говорится о многихъ самыхъ разнообразныхъ вещахъ, между прочимъ о вулканическомъ происхожденіи земли, о бумажныхъ деньгахъ, что, понятно, играетъ въ ней совершенно второстепенную и случайную роль, то ключъ надо искать въ сценахъ, написанныхъ сначала. А мы видимъ, что третій актъ включаетъ исторію Елены, а вторая часть пятаго—дѣятельность Фауста, направленную къ общему благу людей.

Руководствуясь тѣмъ, что произведенія *Гёте* отражаютъ поступки и событія его собственной жизни, приходится именно въ ней искать объясненія наиболѣе трудно постижимаго его произведенія.

Мы уже знаемъ, что какъ въ молодости, такъ и въ старости любовь была возбудителемъ дѣятельности *Гёте*. Красной нитью проходить это во всей или почти во всей его жизни.

Никакихъ препятствій не представлялось къ описанію любви его къ *Фредерикъ*: всѣмъ должна была казаться совершенно естественной любовь молодого человѣка къ молодой дѣвушкѣ. Другое дѣло—страсть старика къ юной красавицѣ.

Говорятъ, что одной изъ причинъ, помѣшавшихъ ему жениться на *Ульрихъ фонъ-Леветцковъ*, была, быть можетъ, боязнь насмѣшекъ (*Льюисъ*, II, 345),—боязнь, являющаяся однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей въ жизни человѣка. Понятно, до чего должно было быть щекотливымъ чувство поэта при желаніи изложить свою старческую любовь.

Въ любви Фауста къ Еленѣ дѣло касается не мнимаго старца, которому стоитъ снять бороду и переменить беретъ, чтобы стать молодымъ, а настоящаго старика, о возвращеніи къ молодости котораго не можетъ быть и рѣчи, несмотря на всѣ таинственные и волшебныя приправы. Любовь же стараго Фауста есть настоящая страсть, и строки, посвященные ей, относятся къ лучшимъ изъ всѣхъ написанныхъ *Гёте*.

Въ началѣ второй части мы видимъ Фауста послѣ тяжелаго кризиса, пережитаго имъ въ первой. Тревожный и усталый, онъ рѣшается на новую жизнь.

Трепещутъ пульсы жизни вожделѣнно,
Встрѣчая часть, когда заря блеснула;

И въ эту ночь, земля, ты несомнѣнно,
У ногъ моихъ почивъ, опять вздохнула;
Ты принесла мнѣ снова наслажденья,
Ты мощно пробудила и вдохнула
Къ высокой жизни вѣчныя стремленья!

(2-ая часть, стр. 388.)

Потребность любви проявляется въ необузданной страсти при видѣ вызваннаго образа самой красивой изъ всѣхъ женщинъ. Фаустъ восклицаетъ:

Глазами ль вижу? Иль въ душѣ живой
Я красоты разливомъ весь встревоженъ?
Съ какой добычей вышелъ поискъ мой!
До сей поры мнѣ міръ былъ пустъ, ничтоженъ!
Чѣмъ онъ теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я жрецомъ?
Онъ твердъ, окрѣпъ, я жить желаю въ немъ!
Пусть не вздохну ни разу я потомъ,
Какъ измѣню подобному влеченью!
Та, что меня когда-то восхищала,
Въ волшебномъ зеркалѣ плѣняла,
Такой красы была лишь легкой тѣнью!
Лишь ты одна, смущая мой покой,
Всю силу страсти роковой,
Любовь, восторгъ, безумство мнѣ внушаешь!

(Стр. 491.)

Фауста, обуреваемого такою страстью, терзаетъ ревность при видѣ красавицы, впивающей дыханіе юноши и цѣлующей его. Онъ хочетъ обладать ею во что бы то ни стало.

Какъ, похищенье! Мнѣ ль стоять безстрастно?
А ключъ-то мой? Его онъ сбавить спешъ!
Меня онъ вель по ужасамъ всечасно
Уединенья—къ твердой почвѣ здѣсь!
Здѣсь я стою въ дѣйствительности твердо,
Тутъ съ духами мой духъ сразится гордо,
Въ двойной побѣдѣ міръ объемля весь!
Была вдали, теперь близка вполне.
Спасу! И будь моей она вдвойнѣ!
О, матери! Вашъ тронъ мнѣ да поможетъ!
Кто съ ней знакомъ, разстаться съ ней не можетъ!

(Стр. 496—497.)

Исчезновеніе красавицы до такой степени потрясаетъ Фауста, что онъ лишается сознанія и впадаетъ въ продолжительное забытье. Очнувшись, онъ тотчасъ спрашиваетъ: «гдѣ она?», и пускается въ поиски за нею. Узнавъ, что Хиронъ въ былое время переносилъ Елену, онъ восклицаетъ:

Ты несъ ее?
 Хиронъ. Да, на спинѣ же.
 Фаустъ. И такъ сходить съ ума пришлось!
 И вдругъ сижу теперь. И гдѣ же?..
 Хиронъ. За волосы мои она,
 Какъ ты, держалась.
 Фаустъ. Какъ полна
 Восторгомъ грудь! Скажи мнѣ все!
 Лечу желаньемъ ей навстрѣчу!
 Куда, откуда несъ ее?..
 ...Ее видалъ ты; нынче видѣлъ я
 Прекрасную въ расцвѣтѣ бытія!
 Теперь мой умъ, мой духъ окованъ ею;
 И мнѣ не жить, коль ей не овладѣю!

(Стр. 549—552.)

Хиронъ находитъ эту страсть такой необыкновенной, что совѣтуетъ Фаусту лѣчиться отъ нея.

Послѣ различныхъ приключеній и препятствій Фаустъ, наконецъ, находитъ желанную красавицу и говоритъ ей:

...Осталось мнѣ себя и все мое—
 Мое ль оно?—повергнуть предъ тобой?
 Такъ отъ души позволь у ногъ твоихъ
 Тебя признать владычицей; ты власть
 И тронъ, едва вступивъ, пріобрѣла!

(Стр. 658.)

Какъ мало похожа такая рѣчь на тѣ слова, которыя говорилъ Фаустъ Маргаритѣ? Она гораздо болѣе соответствуетъ отношенію влюбленного старика къ обожаемой молодой красавицѣ. Когда Елена предлагаетъ Фаусту сѣсть на тронъ рядомъ съ нею, онъ отвѣчаетъ:

Сперва позволь склонить колѣни мнѣ,
 Высокая жена; позволь сперва
 Ты руку, что взведетъ меня, поцѣловать.
 Ты соправителемъ признай меня
 Владѣній безграничныхъ и прими
 Поклонника, слугу и стража все того жъ!

(Стр. 663.)

Страстно влюбленный, до потери разсудка, старикъ не смѣетъ обращаться къ возлюбленной иначе, какъ въ выраженіяхъ, полныхъ смиренія. Елена не дѣлаетъ никакого признанія въ любви, но относится къ нему благосклонно. Фаустъ предлагаетъ ей «вѣчно юную Аркадію для счастливаго житья», и Елена соглашается слѣдовать за нимъ въ таинственный гротъ, весь заросшій растительностью. Тамъ они остаются одни и только старой служанкѣ позволяютъ изрѣдка приближаться къ нимъ.

Плодомъ ихъ связи является ребенокъ, вовсе не похожій на ребенка Маргариты, убитого ею. Это—особенное, чудесное существо: только что родившись, мальчикъ этотъ начинаетъ прыгать и своими быстрыми движеніями приводить въ ужасъ родителей.

Въ то время какъ *Гёте* упорно отмалчивался, когда его просили объяснить нѣкоторыя сцены второй части *Фауста*, онъ безъ всякаго затрудненія говоритъ о значеніи этого удивительнаго ребенка. Онъ—«простая аллегорія, а не человѣческое существо. Въ немъ олицетворена поэзія, не зависящая ни отъ времени, ни отъ мѣста, ни отъ личности» (*Эккermannъ*, 20 дек. 1829).

Пораженный трагической судьбой *Байрона*, *Гёте* въ сынѣ *Фауста* и *Елены* символизируетъ англійскаго поэта.

Исходя изъ категорическаго объясненія *Гёте*, литературные критики заявляютъ, что связь *Фауста* и *Елены* означаетъ синтезъ романтизма и классицизма,—синтезъ, плодомъ котораго является современная поэзія, олицетворенная въ ея лучшемъ представителѣ—*Байронѣ*. Это не должно бы соответствовать мыслямъ *Гёте*, который вовсе не придавалъ никакого значенія классицизму и романтизму.

«Съ какой стати поднимаютъ такой шумъ по поводу классическаго и романтическаго?—говорилъ онъ.—Существенно, чтобы произведеніе было вполнѣ прекраснымъ и серьезнымъ; тогда оно и будетъ классическимъ!» (*Эккermannъ*, 17 окт. 1828).

Гораздо правдоподобнѣе, что *Гёте* хотѣлъ выразить ту мысль, что плодъ связи *Фауста* и его прелестной подружки есть поэзія. Связь ихъ входитъ въ категорію такъ называемой платонической любви.

Такая любовь вдохновляетъ для созиданія совершенныхъ произведеній даже старика-поэта, когда вдохновительница—прекрасная женщина.

Фаустъ и *Елена* выходятъ съ сыномъ изъ грота, и *Елена* говоритъ:

Счастье людямъ дать прямое,
Сводить ихъ любовь вдвоемъ,
Но блаженство неземное
Мы веушаемъ лишь втроемъ!
(Стр. 682.)

На это *Фаустъ* отвѣчаетъ:

Смыслъ тогда отысканъ точный:
Ты моя, а я самъ твой;
Мы стоимъ четою прочной—
Можно ль жизнью жить иной!

(Стр. 682.)

Послѣ смерти сына Елена покидаетъ Фауста, оставляя ему свою одежду.

Сбылись на мнѣ — увѣ! — старинныя слова,
 Что счастье долго съ красотой не можетъ жить.
 Разорвана вся жизньъ, какъ и союзъ любви;
 Оплакавъ ихъ, прощаюсь горько съ ними я!
 И вновь бросаюсь я въ объятія твои.

(Стр. 696.)

Послѣ этого удара старикъ Фаустъ ищетъ утѣшенія въ природѣ. Уже разъ, послѣ ужасной катастрофы съ Маргаритой, созерцаніе природы дало ему силу жить.

На этотъ разъ онъ останавливается на вершинѣ высокой горы, откуда слѣдитъ за воздушнымъ контуромъ облака въ очертаніи прекрасной женщины. Но Фаустъ старъ и живетъ одними воспоминаніями любви. Онъ восклицаетъ:

...Да, глаза мои не лгутъ!
 На озаренномъ ложѣ чудно распростертъ,
 Хоть исполинскій, ликъ божественной жены,
 Съ Юноной сходный, съ Ледою, съ Еленой;
 Какъ царственно онъ на моихъ глазахъ плыветъ!
 Ахъ! сдвинулось! Безформенно нагромоздясь,
 Все поплыло къ востоку снѣжной цѣпью горъ,
 Какъ яркій образъ смысла мимолетныхъ дней.
 Но въ свѣтлой, нѣжной пряди обдастъ туманъ
 Живой прохладой мнѣ еще чело и грудь.
 Вотъ медленно возносится все выше онъ;
 Вотъ слился. — Или это ликъ обманчивый
 Первоначальныхъ и давно минувшихъ благъ?
 Сердечныхъ всѣхъ богатствъ забили вновь ключи.
 ...Какъ красота душевная, прелестный ликъ
 Не разлѣшаясь все подымается въ эфиръ
 И лучшее души моей уносить вдаль!

(Стр. 705.)

Это душевное настроеніе напоминаетъ пережитое Гёте послѣ разрыва съ Ульрикой.

Конецъ любви, конецъ поэзіи! Но стремленіе къ высшей жизни этимъ еще не уничтожено. У старика Фауста желаніе жить еще очень сильно. Но онъ уже не мечтаетъ, какъ въ дни юности, о невыполнимомъ идеалѣ. Когда Мефистофель задаетъ ему ироническій вопросъ:

Какъ отгадать, къ чему ты устремился?
 Къ высокому чему-нибудь?
 Къ лунѣ ты ближе возносился,
 Знать, къ ней пошло тебя тянуть?

Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Нисколько. На землѣ найду
Я, гдѣ за подвиговъ взяться смѣло.
Великое свершится дѣло, —
Я силы чувствую къ труду.

(Стр. 711, 712.)

Со временемъ еще болѣе усиливается оптимизмъ его рѣчей, столь несходныхъ съ жалобами Фауста первой части.

Окончательно состарѣвшись, достигнувъ почти ста лѣтъ, онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое міровоззрѣніе:

Я свѣтъ-то только пробѣжалъ,
За волосы всѣ похоти хваталъ я,
Что было не по мнѣ, — бросалъ я,
Что ускользало, — не ловилъ;
Я лишь хотѣлъ да исполнять
И вновь желалъ, и такъ пробушевалъ
Всю жизнь; сначала мощно, шумно,
Теперь иду обдуманно, разумно.
Земля давно извѣстна мнѣ;
А взгляды *туда* намъ преграждены вполне.
Глупецъ, кто ищетъ слабыми глазами
Подобья своего надъ облаками!
Здѣсь утвердись, да оглянись; межъ тѣмъ
Предъ доблестнымъ міръ видимый — не нѣмъ.
Зачѣмъ ему по вѣчности носиться?
Что онъ позналъ, тѣмъ можетъ насладиться!

(Стр. 786.)

Достигнувъ высшей мудрости, Фаустъ организуетъ работы по осушенію болотъ для увеличенія поверхности почвы, необходимой для нуждъ людей.

Вотъ этимъ бы мы подвиговъ завершили:
Мы бъ дали мѣсто многимъ миллионамъ
Зажить трудомъ, хоть плохо огражденнымъ!
Стадамъ и людямъ по зеленымъ нивамъ
На цѣлинѣ придется жить счастливымъ;
Сейчасъ пойдутъ селиться по холмамъ,
Что трудовой народъ насыплетъ самъ.
Среди страны здѣсь будетъ свѣтлый рай...
Да, этотъ смыслъ мной подлинно усвоенъ,
Вся мудрость въ томъ, чтобы познать,
Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,
Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать.
Такъ проживетъ здѣсь, побѣждая страхъ,
Ребенокъ, мужъ и старецъ — вѣкъ въ трудахъ.
При видѣ этой суеты

Сбылись бы всѣ мои мечты,
Тогда бъ я могъ сказать мгновенно:
Остановись! Прекрасно ты!
И не исчезнуть безъ значенья
Земные здѣсь мои слѣды.
Въ предчувствіи такого счастья я
Достигъ теперь вершины бытія!!!

(Стр. 793, 794.)

Это были послѣднія слова мудраго столѣтняго старца. Часто думаютъ, что они сосредоточиваютъ въ себѣ сущность нравственной философіи *Гёте* и проповѣдуютъ жертву личности обществу.

Люисъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ задачу *Фауста*: «его страстная душа, испытавъ тщетность личныхъ вожделѣній и наслажденій, познать, наконецъ, ту великую истину, что человѣкъ долженъ жить для другихъ людей и не можетъ найти прочнаго счастья внѣ работы для общаго блага» (I. с., II, 361).

Судя по *Фаусту Гёте*, я думаю скорѣе, что человѣкъ долженъ посвятить значительную часть своего существованія на полное развитіе собственной личности и что, только достигнувъ второй половины жизни, умудренный опытомъ и удовлетворенный личной жизнью, долженъ онъ посвятить свою дѣятельность на благо людей. Проповѣдь самопожертвованія личности не соотвѣтствовала ни идеямъ *Гёте*, ни характеру его произведеній.

Въ *Фаустѣ Гёте* хотѣлъ также рѣшить задачу столкновенія нѣкоторыхъ человѣческихъ дѣйствій съ руководящими принципами. Проступки, совершенные его героями въ первой части жизни, должны были быть уравниваемы искупленіемъ. *Гёте* говорилъ *Эккерманну*, что «ключъ спасенія *Фауста*» находится въ хорѣ ангеловъ:

Часть благородную отъ зла
Спасъ нынѣ міръ духовный:
Чья жизнь стремленіемъ была,
Тотъ чуждъ среды грѣховной.

(Стр. 812.)

Но то, о чемъ *Гёте* не говорилъ и что между тѣмъ играло самую важную роль какъ у него, такъ и у *Фауста*, — это дѣйствіе любви, возбуждающее къ художественному творчеству. Вѣроятно, именно на это намекаетъ онъ въ концѣ трагедіи. Анахореты въ религіозномъ и эротическомъ экстазѣ произносятъ молитвы, а мистическій хоръ поетъ:

Неописуемое
Здѣсь совершенно;
Женственно-нѣжное
Къ небу взвело! ¹⁾

¹⁾ Мѣсто это видоизмѣнено, такъ какъ у *Фета* смыслъ не точенъ.

Стихамъ этимъ придавали значеніе «самопожертвованной любви» и даже «Божьей благодати» (Бодэ, стр. 149); но слѣдуетъ скорѣе полагать, что рѣчь идетъ о любви къ женской красотѣ, возбуждающей къ подвигамъ.

Объясненіе это вяжется съ тѣмъ, что стихи произнесены мистическимъ хоромъ, который, резюмируя положеніе, говоритъ о *неопи-суемомъ*. Въ послѣднемъ нужно видѣть любовную страсть старика.

Во всякомъ случаѣ весь *Фаустъ*, особенно вторая часть его, служить краснорѣчивымъ доводомъ въ пользу той роли, которую играетъ любовь къ проявленіямъ высшей дѣятельности человѣка.

Соотвѣтствуя закону человѣческой природы, это оправдываетъ поведеніе *Гёте* гораздо болѣе всѣхъ изощреній его критиковъ и почитателей.

Вопреки часто выражаемому мнѣнію, будто обѣ части *Фауста* составляютъ два совершенно независимыхъ произведенія, онѣ, наоборотъ, только пополняютъ одна другую.

Въ первой части молодой пессимистъ, полный страсти и требовательности, готовъ на самоубійство и ни передъ чѣмъ не останавливается для удовлетворенія своей жажды любви.

Во второй части зрѣлый и старый человѣкъ продолжаетъ любить женщинъ, хотя и инымъ образомъ; онъ умудренъ опытомъ и сталъ оптимистомъ; удовлетворивъ стремленія личной жизни, онъ посвящаетъ остатокъ дней своихъ на благо человѣческое; достигнувъ столѣтняго возраста, онъ умираетъ съ чувствомъ высшаго блаженства, и даже почти можно сказать, что онъ обнаруживаетъ при этомъ инстинктъ естественной смерти.